

УДК 630(470.22)

© Г.Б. Козырева

Институциональное развитие системы лесного хозяйства современной России

Статья посвящена вопросам институционального развития системы лесного хозяйства современной России. В качестве ключевой рассматривается проблема формирования института собственности на лес. Институциональный анализ процессов, происходящих в лесном хозяйстве, затрагивает как формальные, так и неформальные институты. В основе статьи лежат результаты экономико-социологических исследований лесосырьевых территорий, реализованных в Республике Карелия в последнее десятилетие.

Лесное хозяйство России, оптимизация управления, институциональное переустройство, экономическая и социальная эффективность.

**Галина Борисовна
КОЗЫРЕВА**

кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник Института экономики
Карельского научного центра РАН

Сегодня приходится констатировать, что Россия, владеющая четвертью мировых лесов, не в состоянии обеспечить качество жизни тех, кто непосредственно работает в лесной отрасли. По прошествии 15 лет реформ лесной бизнес не смог выйти на эффективные модели развития — экономическое состояние многих предприятий остается нестабильным, а социально-экономические условия жизни лесных поселений — неудовлетворительными. В этой связи особую остроту приобрели проблемы, связанные с институциональным переустройством лесного хозяйства.

Сложившаяся ситуация позволила отечественным и международным экспертам сойтись во мнении, что лесное хозяйство в России ведется не на устойчивой основе. Это означает, что не создано адекватных условий, способствующих достижению экономического, социального и экологи-

ческого эффектов, а лесная политика влечет за собой негативные социально-экономические последствия.

Под социальными последствиями понимается:

- социально-экономическое состояние лесных поселений, сложившееся в период реформ;
- социально-экономическая эффективность функционирования лесного бизнеса в изменяющихся институциональных условиях;
- трансформация системы групповых интересов, связанных с собственностью на лес.

Исследования, связанные с поиском управленческих механизмов устойчивого развития лесосырьевых территорий в контексте реализации лесной политики и ее последствий для общества, проводились в рамках нескольких исследовательских и

экспедиционных проектов¹, осуществляемых на территории Республики Карелия. Объектом исследования при этом выступала социально-экономическая система, включающая жителей лесных поселений, лесные предприятия, местную власть и представителей государственного лесоправления (лесной службы). Предмет исследования был связан с формированием моделей устойчивого лесного хозяйства.

Модель лесного хозяйства, в рамках которой возможно устойчивое развитие, предполагает равновесное существование экономической, природной и социальной подсистем. Решение исследовательских задач по построению такой модели невозможно реализовать в рамках одной области знаний, в частности только экономической науки. Поэтому в представленном исследовании используется междисциплинарный подход, основанный на макроэкономической, микроэкономической и социологической составляющих. В качестве ключевого инструмента в нем выступает институциональный анализ, что отличает данную работу от тех, в которых преобладает традиционный отраслевой подход.

Сырьевая ориентация России требует сегодня поиска новых управленческих стратегий, ориентированных на расширение возможностей системы лесного хозяйства, повышение ее мобильности. Концепция устойчивого развития как нельзя лучше дает основу для реализации управленческих стратегий, согласующих экономические выгоды, экологическую безопасность и социальный интерес. Она нашла прикладное отражение в модели устойчивого лесоправления. Устойчивое управление лесами должно обеспечивать социально-экономическую и экологическую составляющие устойчивого развития страны и регионов, что зафиксировано в лесном законодательстве РФ. Данная позиция не противоречит идеологическим принци-

пам, которые заложены в международный современный формат устойчивого лесоправления. Устойчивость развития здесь подразумевает:

⇨ экономическую ответственность, включающую в себя сохранение конкурентоспособности лесного предприятия и повышение ценности для акционеров;

⇨ экологическую ответственность, предполагающую соблюдение природоохранных принципов ведения лесного бизнеса;

⇨ социальную ответственность, которая рассматривается через права человека (особенно трудовые), этичное по отношению к социуму ведение бизнеса и общественную вовлеченность.

Таким образом, устойчивое лесоправление предполагает трехкратную ответственность перед настоящим и будущим обществом, объединяющим интересы различных социальных групп населения, отраслей промышленности, а также субъектов лесоправления в отношении эксплуатации лесных ресурсов без ущерба экологическим и социальным характеристикам.

История доказала, что, если отобранный на когнитивном уровне набор стратегий и практик управления лесами не противоречил общественному консенсусу, то есть принимался всем обществом, такая модель лесных отношений работала на его благосостояние. В авторитарных обществах эти модели и практики навязываются обществу и складываются только ценой огромных контролирующих усилий, не принося при этом достойной компенсации ни населению, ни бизнесу. Сегодня, когда российское общество вышло на путь рыночного развития и на уровне власти продекларирована его социальная ориентированность, актуализируется поиск новых подходов в лесоправлении, ключевым звеном которого является устойчивое развитие лесосырьевых территорий [1].

К сожалению, активные политические шаги России в сторону устойчивости пока не привели к позитивным результатам. Об этом свидетельствует тот факт, что леса не приносят благосостояния всему российскому обществу. Основная причина неработоспособности существующей модели лесоправления, на наш взгляд, связана с проблемами формирования прозрачной институциональной системы лесного хозяйства. Одним из главных последствий ее несовершенства является высокий политический риск. Неустойчивость законодательства порождает его неадекватную трактовку и создает условия для оппортунизма и коррупции. Лесной бизнес продолжает балансировать на грани легальности. В результате общество существенно недополучает от причитающегося лесного дохода. Неэффективные институты закрепляются [2].

Институциональная теория придает институту функцию регулирования различных сфер человеческой деятельности посредством устойчивого комплекса формальных и неформальных правил, принципов и норм. Она исходит из двух отправных положений: во-первых, институты имеют важное хозяйственное значение, и во-вторых, поддаются научному анализу [3]. В институциональном анализе, который реализован в исследовании, основное внимание уделяется нормам, правилам и стереотипам мышления, то есть тем неформальным институтам, которые управляют поведением людей в реальной ситуации. С позиций институциональной экономики эффективная институциональная система — это такая система, которая обеспечивает устойчивое развитие. Институциональное равновесие — это такая ситуация, которая означает, что при данных относительных издержках и выигрышах в «игре», которую ведут участники контрактных отношений, им невыгодно менять ее правила [4, 5].

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в настоящее время «правила игры» не устраивают участников экономических отношений в лесном хозяйстве. Ключевым институтом, который определяет характер системы лесоправления, является институт собственности на лес. Институциональная теория рассматривает собственность как совокупность правомочий, то есть придает ей характер спецификации. Спецификация прав собственности способствует созданию устойчивой экономической среды, уменьшая неопределенность и формируя у субъектов хозяйствования стабильные ожидания по поводу результатов своих действий и отношений с другими экономическими агентами. Именно в этом кроется основная проблема экономических отношений в лесном хозяйстве и той дискуссии, которая развернулась вокруг собственности на лес в России [6, 7].

Взгляд на собственность через спецификацию ее прав позволяет в современных условиях не ставить вопрос о том, какая собственность на лес нужна российскому обществу — частная или государственная. Рынок требует не частной собственности, как в этом пытаются сегодня убедить общество, а прозрачности в отношениях. Прав был Р. Коуз, когда говорил, что собственность всегда найдет своего эффективного собственника, главное, чтобы права были специфицированы. Отсюда исходят все проблемы и экономических отношений в лесном хозяйстве, и лесной экономики России [8, 9].

Задачу спецификации прав собственности должен был выполнить новый лесной закон, став основой прозрачной институциональной структуры лесного хозяйства. К сожалению, процесс, связанный с его принятием, продемонстрировал неготовность российского общества вырабатывать консенсуальные решения, что обусловлено

слабостью или практическим отсутствием социальных механизмов межсекторного взаимодействия. Об этом свидетельствует тот факт, что, несмотря на активную общественную дискуссию о новом лесном законодательстве, сам текст закона писался кулуарно, без участия лесников-профессионалов, без учета интересов среднего и малого бизнеса и большинства населения страны.

Данные обстоятельства стали основной причиной рождения еще одного «туманного» документа, который не имеет даже тех позитивных сторон, что предыдущий. Трудно ожидать, что новый лесной закон, нормативная база которого еще до сих пор не готова, станет основой для спецификации института собственности на лес. Собственность на лесные ресурсы представляется как совокупность пучков правомочий:

права владения, права распоряжения и права использования. Данный подход позволил обозначить основную проблему лесопользования в России: главное не в том, кто является собственником лесных ресурсов, а в том, как специфицированы его права [2].

Для выявления наиболее проблемных сфер нового лесного закона в исследовании был применен дискурсивный анализ. Предметом анализа выбраны позиции и мнения по поводу его основных положений со стороны ученых и профессионалов в области лесного хозяйства, представителей исполнительной и законодательной власти РФ, ассоциированных объединений бизнеса, профсоюзов, общественных объединений, а также руководителей некоторых крупных лесных компаний. Всего проанализировано мнение 43 экспертов (табл. 1).

Таблица 1. Количественный анализ нового лесного закона, %*

Эксперты	Дискурсы		
	Не разработано право владения лесными ресурсами	Нет четкого разграничения прав управления лесными ресурсами между субъектами лесных отношений: РФ, регионами и лесопользователями	Право пользования лесными ресурсами не имеет экономического, экологического и социального обоснования
Профессионалы (лесники: ученые, практики; 11)	25	24	25
Бизнес (9)	18	15	21
Исполнительная власть РФ (8)	12	9	10
Законодательная власть РФ (10)	14	13	15
Профсоюзы, общественные объединения (5)	11	9	10
Итого 43 эксперта	70	67	72

* В таблице указана доля экспертов, которые разделили данное мнение.

В результате по основным позициям нового закона было сформулировано 3 дискурса или доминирующих мнения, которые соответствуют трем правомочиям собственности: владения (возможности введения частной собственности на лес), управления (разграничения правомочий собственности между субъектами федерального и регионального уровней) и пользования (аренды леса). Данные мнения поддержали в среднем 70% экспертов.

Дискурс 1. В законопроекте не решена проблема собственности на леса, в частности не разработано право владения лесными ресурсами.

Доминирующее мнение экспертов о праве владения, полученное в ходе анализа, сводится к тому, что лесные ресурсы России (в традиционном понимании — лесной фонд) сегодня должны находиться в государственной собственности. Под государственной понимаются такие формы,

как федеральная, региональная, муниципальная собственность. Механизмы перевода земель лесного фонда из федеральной собственности в другие формы в законе не проработаны. Прецедент частной собственности может рассматриваться как реальный только в случае выращивания леса на частных землях. Попытка заложить в Лесной кодекс механизм перевода лесов из государственной собственности в частную в настоящее время является необоснованной и преждевременной.

Дискурс 2. Четкого разграничения прав управления между субъектами лесных отношений — Российской Федерацией, регионами и лесопользователями — нет.

Основные опасения экспертов связаны со следующими вопросами. Закон в существующей редакции создает предпосылки для свободной трактовки со стороны регионов положения об установлении платы за лесные ресурсы, которая сегодня переведена в статус неналоговых платежей. Данное обстоятельство складывается не в пользу собственника и в ущерб состоянию лесов. При несформированной процедуре постоянного контроля за исполнением переданных субъектам РФ полномочий и приемки достигнутых результатов создаются условия для коррупции и нелегальной деятельности. В таких условиях необходим действенный механизм согласования полномочий между этими субъектами.

Дискурс 3. Новые правила арендных отношений не имеют экономического, экологического и социального обоснования.

Мнения экспертов сходятся в том, что в законе не разработана прозрачная процедура предоставления прав пользования лесными участками. Во-первых, не определен экономический смысл и не оговорены условия передачи функций ведения лесного хозяйства арендатору. Во-вторых, не

установлены подходы к формированию платежей за пользование участками. В-третьих, не учтены интересы средних и малых предприятий, не заложены стимулы для глубокой переработки древесины, прохождения предприятиями добровольной сертификации.

Выявленные в ходе дискурсивного анализа пробелы свидетельствуют о том, что в законе оставлена возможность для свободной интерпретации многих его положений. На языке институционализма это означает, что спецификация прав собственности на лес не разработана. Субъект права (владения, управления и пользования лесом) пока не имеет точной информации о количестве отпущенного ему права, то есть он не стеснен никакими ограничениями, которые носят законный характер.

В системе лесных отношений на сегодняшний день нет единых прозрачных правил для всех. Значит, каждый трактует их по-своему. «Сырой» и «непрозрачный» закон уже вышел в свет и уже породил новые проблемы. Мнение профессионалов: *«Новый Кодекс нужно было принять как можно скорее, чтобы как можно быстрее его отменить. Старый закон был до того плох, что по нему уже нельзя было работать. За 10 лет была принята масса законов, которые блокировали действия основного закона. Плохо, что новый закон писали непрофессионалы, которые не отличат сосну от осины»* (интервью с директором лесхоза, экспедиция 2007 г.).

Следует отметить, что в исследовании не ставилось задачи специального детального анализа нового лесного закона, выявления всех его слабых мест. Была лишь осуществлена попытка продемонстрировать сам факт противоречивости и непрозрачности полученного документа, несогласованности действий его составителей и

приемщиков не только с профессиональным сообществом, но и с широкой общественностью. Причем такая несогласованность происходит не из-за неопытности или безграмотности тех, кто писал закон. Кампания принятия лесного закона свидетельствует о лоббировании интересов крупного капитала.

Изменения прав собственности на лес, произошедшие в результате принятия нового лесного закона, обеспечивают крупному бизнесу условия для победы в лесных аукционах, приватизации и продажи участков леса. Региональная власть в сложившейся ситуации будет только поощрять эти процессы, ориентируясь на серьезные финансовые вливания в бюджет. Наделенная новым законом широкими управленческими полномочиями, она сегодня стремится работать на максимизацию прибыли от использования лесных ресурсов, что при сложившейся системе перераспределительных отношений крайне неэффективно работает на интересы локальных территорий, где функционирует лесной бизнес.

Средний и малый лесной бизнес при такой расстановке будет удален с арены лесных отношений, что повлечет за собой неблагоприятные социальные последствия, связанные с проблемами лесных поселений. Складывающаяся ситуация позволяет сделать вывод о том, что регионы не получают социального эффекта от прихода крупного капитала в лесное хозяйство. Намечившиеся стратегии развития лесосырьевых территорий в новой институциональной структуре слабо вписываются в контекст устойчивости.

В ситуации несформированных межсекторных связей, слабости гражданских институтов обостряются проблемы групповых интересов. Действующие в эконо-

мике «группы интересов» лоббируют правила, добиваются выгодных для себя изменений прав собственности, что достаточно ярко и продемонстрировал новый лесной закон. Малая «группа интересов» (в данном случае это крупный олигархический капитал) успешно провела свою кампанию и выиграла от изменения прав собственности на лес, так как получила значительные преференции в виде возможности выигрывать лесные аукционы, а затем приватизировать и пускать в оборот участки леса. Ни средний, ни тем более малый лесной бизнес не сможет составить конкуренцию крупным компаниям. А это означает, что в лесосырьевые регионы придут новые «хозяева», начнется очередной передел собственности — он уже начался. В условиях отсутствия выработанной на государственном уровне концепции социальной ответственности интересы населения от изменения прав собственности на лес существенно пострадают.

Сегодня российская власть (как исполнительная, так и законодательная) воспользовалась правом изменить «порядок» в системе лесного хозяйства, но не взяла на себя ответственность за социально-экономические последствия этого изменения. Налицо навязывание обществу очередной модели лесоуправления, не учитывающей интересы большинства и означающей, что она и в дальнейшем будет оставаться нелегитимной и работать на создание социальной ренты для узких социальных групп.

Помимо формальных институтов на процесс формирования институциональной структуры лесного хозяйства существенное влияние оказывают неформальные институты. Среди них в представленном исследовании рассматриваются такие социальные нормы, как доверие, подчинение закону, оппортунистическое поведение

ние, которые оценивались с помощью социологических параметров. Результаты исследования показали, что у жителей лесных поселков Карелии нет доверия государству, чувства защищенности и веры в стабильность своей жизни. Люди доверяют только родным, близким (38%), президенту страны (22%) и очень низко оценивают государственные структуры управления и власти (от 2 до 4%), что говорит о высокой степени персонифицированности доверия и о неразвитости этой социальной нормы с точки зрения рынка. Доверие является важным социальным регулятором, позволяющим экономическим агентам иметь стабильные ожидания от поведения своих партнеров и власти.

Доминирующие факторы, обеспечивающие людям уверенность, включают семью, деньги и друзей. Законы здесь не являются гарантом защищенной жизни. Оценивая практики исполнения законов в российском обществе, жители лесных поселков склоняются к мнению, что по законам живут в лучшем случае только простые граждане, а власть и бизнес их не признают. Почти половина респондентов считает, что по законам не живет никто.

Основная причина – в России законы никогда не были нормой жизни. Такая позиция населения отражает серьезную институциональную проблему: при отсутствии «диктатуры закона» и при «расцвете диктатуры власти» общество не имеет реальных социальных основ для формирования и развития эффективных институтов, регулирующих отношения в экономических системах. При неразвитости социальной нормы – добровольного подчинения закону – новые правила «игры» (какими бы хорошими они ни были) будут выполняться с большими поправками со стороны всех участников экономических отношений.

Институциональная экономика обосновывает наличие оппортунизма в поведении экономических агентов, который выражается в нарушении взятых на себя обязательств, недобросовестности [10]. О его распространенности в хозяйственной жизни свидетельствует поведение менеджеров лесных предприятий в ходе передела собственности, а также деловые практики функционирования лесного бизнеса. Результаты исследования показывают, что среди опрошенных руководителей лесных предприятий Карелии около 70% имели проблемы с партнерами по бизнесу: несоблюдение взятых на себя обязательств по своевременной оплате услуг, срыв договоров и даже откровенный обман.

Кроме того, оппортунизм проявляется со стороны местных и региональных властей при организации лесных конкурсов, заключении арендных отношений с лесопользователями, что зафиксировано в представленном исследовании. Государственная власть проявила свое оппортунистическое поведение через лоббирование интересов в процессе принятия законов, в частности лесного закона, их корректировки в пользу наиболее сильных социальных групп.

Результаты исследований поведения предприятий и домохозяйств позволяют сделать вывод о том, что через 15 лет после начала реформ в российском обществе не сформирована «мягкая инфраструктура экономики» – те социальные нормы, которые согласуются с рыночной идеологией. Население ее не приняло, бизнес существенно исказил, а те, от кого зависели реформы, извлекли из их провалов максимальную выгоду. Отсутствие доверия и добровольного подчинения закону, а также оппортунизм власти и бизнеса стали причинами неэффективного развития институтов.

То, что можно наблюдать сегодня в системе лесного хозяйства, отражает деструктивные процессы, происходящие в российском обществе. Институциональное равновесие не устанавливается, несмотря на все попытки законодательной и исполнительной власти. Продолжающаяся лесная реформа поставила цель: установить рыночные правила, позволяющие повысить эффективность лесного хозяйства. Вместе с тем единых «прозрачных» правил для всех субъектов лесных отношений не появилось. Значит, каждый трактует их по-своему. Выход в свет «сырого» и «непрозрачного» закона породил еще больше проблем для бизнеса и для населения лесных поселков.

В рыночных обществах сформированные гражданские институты позволяют населению активно влиять на государственную политику, и это согласуется с положениями концепции устойчивого развития. Для России, где такие институты только зарождаются, важно знать о наметившихся процессах в сторону повышения социальной активности. Применительно к системе лесного хозяйства это означает необходимость выявления места и роли социальных групп, участвующих в экономических отношениях (власть, лесной бизнес, профессионалы, общественность и население лесных поселков), в происходящих институциональных процессах. Согласованность формальных институтов лесного хозяйства со сложившимися неформальными практиками будет зависеть от степени взаимопонимания между данными социальными группами.

В представленной работе сделана попытка оценить возможность развития формальных и неформальных институтов в сторону согласованности. Для этой цели с помощью социологических параметров измерялась позиция социальных групп по

вопросам собственности на лес и возможности их участия в лесоуправлении через оценку представлений о происходящих в системе лесного хозяйства процессах.

На основе эмпирического материала осуществлена качественная оценка социальной составляющей лесоуправления, которая определялась по гипотетической активности населения лесных поселков. Процессы формирования социальной зрелости исследовались на основе представлений населения о возможности своего участия в управлении лесами. Сравнительный анализ данных 1997 и 2004 гг. (тех лет, которые совпали с ключевыми изменениями в лесной политике России) показывает, что у местного населения появилось более четкое понимание существа проблемы, которая по прошествии времени переместилась из формальной в неформальную плоскость. Во-первых, значительно увеличилась доля тех, кто смог разговаривать на данную тему. Во-вторых, первоначально доминировавшее мнение об отсутствии правовой основы для проявления активности сместилось в сторону таких причин, как мотивация, безграмотность, связи, коррупция. Это позволило сделать вывод, что на характер модели лесоуправления существенное влияние оказывают неформальные институты (табл. 2).

Таблица 2. Возможно ли участие населения в управлении лесами?

Вариант ответа	1997 г.	2004 г.
Да, при наличии формальных оснований	23,2	10,6
Да, если ты грамотный человек	5,2	7,8
Да, если у тебя есть связи и деньги	-	19,5
Нет, при существующем законодательстве это невозможно	35,3	21,2
Нет, так как население безграмотно	1,9	1,7
Нет, так как население безынициативно	10,6	23,6
Затрудняюсь ответить	23,8	15,8

Наиболее остро воспринимаются людьми новые правительственные инициативы в лесной политике, связанные с приватизацией лесов. Именно эти процессы стали самым серьезным фактором, определившим их позицию в поддержке государственной собственности на лес. Результаты исследования свидетельствуют о том, что по прошествии семи лет на уровне населения лесных поселков Карелии произошло отторжение идеи частной собственности на лес, которая дискредитирована в обществе. Новую лесную реформу люди воспринимают негативно. Более 60% респондентов связывают ее с серьезными потерями – недоступностью леса для граждан, его уничтожением. Только 5% опрошенных считают, что у леса появится настоящий хозяин.

Процессы, связанные с приватизацией лесных предприятий, борьбой за лесные ресурсы, свидетелями чего стало местное население, снизили и так низкие параметры доверия к власти и бизнесу. Сегодня, когда убыточность лесных предприятий снова стала приобретать масштабный характер, среди жителей лесных поселков «зреют» определенные опасения за судьбу не только самих предприятий, но и лесов, в которых они работают.

Вместе с тем анализ позволил выявить активное настроение, связанное с формирующейся рыночной мотивацией. На протяжении всего периода исследования устойчиво удерживалась доля респондентов, готовых стать собственником леса, – ее величина варьировалась от 15 до 30%, причем молодые значительно чаще попадали в эту группу, нежели люди пенсионного возраста.

Проблемы лесопользования исследовались через позиции представителей лесного хозяйства, среди которых преобладает

мнение о том, что наше общество не готово к серьезным преобразованиям в лесных отношениях, частная собственность на лес приведет к негативным социальным последствиям. Лесохозяйственники обеспокоены теми угрозами, которые могут сопровождать неподготовленную реформу в неподготовленном обществе. Наиболее остро встают следующие проблемы:

- новый криминальный передел лесных ресурсов;
- разрушение местных органов управления лесами – лесхозов;
- повышение социальной ренты высших чиновников;
- ущемление прав граждан в связи с побочным лесопользованием (сбор грибов, ягод и т. п.) вплоть до полного запрета посещения лесов.

Среди представителей лесного бизнеса не сложилось четкого мнения о последствиях проводимой лесной реформы. Наряду с позитивными тенденциями, связанными с заменой конкурсов на аукционы, возможностью приватизации лесов, они понимают всю сложность институционального, экономического и социального порядка, которая будет сопровождать этот процесс. Кроме того, большинство из них считает, что малый и средний бизнес в условиях жесткой конкуренции за ресурсы не выдержит. Что касается частной собственности на лес, то лесной бизнес не так непреклонен, как власть. По мнению некоторых бизнесменов, не важно, какая будет собственность – государственная или частная, – важно, чтобы правила «игры» были едины для всех, и эти высказывания демонстрируют не только осторожность этих людей, но и их социальную зрелость.

На основе представлений жителей лесных поселков, лесного бизнеса и лесной службы построена модель устойчивого лес-

ного хозяйства в России, где доминирует государственная собственность на лес. Выявленная при этом социальная и рыночная активность находится в противоречии со сложившейся институциональной средой, не создающей условий для участия населения в процессе управления лесами, что свидетельствует об отсутствии согласованности формальных и неформальных институтов. Такая ситуация демонстрирует нелегитимность действующей в российском обществе модели лесопользования.

Практика показала, что сформированная в настоящее время в российском обществе модель частной собственности на лес не адекватна западным образцам. Поэтому на уровне населения лесных поселков ее не принимают, на уровне лесного бизнеса – сохраняют индифферентность, а на уровне власти – ее искажают. Об этом свидетельствуют научно и практически не обоснованные, не проработанные законы и подзаконные акты, которые уже дают толчок к развитию новых неэффективных социальных институтов.

Вместе с тем на волне общественного протеста, направленного сегодня против идеи частной собственности на лес, начинают формироваться новые модели общественного сознания российских граждан, что является неотъемлемой чертой социальной составляющей устойчивости. Повышение социальной активности, связанной с трансформацией системы мотиваций у различных социальных групп, обуслов-

ливает сдвиг ментальности в сторону принципов устойчивости, что в свою очередь создает предпосылки для вовлечения широких общественных масс в процесс лесопользования. Хотя нужно признать, что в России участие широких масс в лесопользовании пока представляется достаточно отдаленной перспективой. Тем не менее очень важным является то, что общество уже вполне адекватно рефлексировало не только на политические, но и социально-экономические вызовы.

Институциональное развитие лесного хозяйства сопровождается существенными трансформациями, связанными с организационной перестройкой системы и изменением лесного законодательства. За 15 лет лесные отношения не приобрели определенного контура. «Хрупкая институциональная структура создает неформальные возможности взаимодействия, унаследованные от ранее существовавшей централизованной системы управления. Идет борьба за права влияния в сфере перераспределения на различных уровнях лесного сектора, что ведет к возникновению ряда инициатив по централизации» [11]. Практика демонстрирует отсутствие общественного участия в процессе принятия решений по вопросам лесопользования в России. А это значит, что правила, регулирующие отношения в системе лесного хозяйства, не удовлетворяют всех участников этих отношений. Равновесие не устанавливается, что влечет за собой новые эксперименты и непредсказуемые социальные последствия.

Литература

1. Бемман, А. Устойчивое лесное хозяйство на защите лесов / А. Бемман, В. Петров, М. Исслиб // Устойчивое развитие лесного сектора в Северной Европе: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Петрозаводск, 1999. – С. 29-40.
2. Козырева, Г.Б. Социально-экономические последствия лесной политики современной России / Г.Б. Козырева. – М.: МОНФ, 2007. – 248 с.

3. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Начала, 1997. – 180 с.
4. Вольчик, В.В. Нейтральные рынки, не нейтральные институты и экономическая эволюция / В.В. Вольчик // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2004. – Т. 2. – № 2. – С. 55-69.
5. Норт, Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 16-28.
6. Козырева, Г.Б. Проблемы собственности на лесные ресурсы России / Г.Б.Козырева // Общество и экономика. – 2006. – № 2. – С. 167-179.
7. Козырева, Г.Б. Проблемы формирования социальных институтов устойчивого лесопользования / Г.Б.Козырева. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. – 254 с.
8. Коуз, Р. Фирма, рынок, право / Р. Коуз; под ред. Р. Капелюшникова. – М.: Дело, 1993. – 192 с.
9. Капелюшников, Р. И. Рональд Коуз, или Сотворение рынков / Р. Капелюшников // США. Экономика. Политика. Идеология. – 1993. – № 1. – С. 5-24.
10. Уильямсон, О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки и отношенческая контрактация / О. Уильямсон. – СПб., 1996.
11. Нельсон, С. Международное сотрудничество для устойчивого развития российского лесного сектора / С. Нельсон // Устойчивое развитие российского лесного сектора в Северной Европе: материалы семинара экспертов. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1999. – С. 41-55.

Примечание

¹ Проект ФЦП «Интеграция науки и высшего образования России», «Стратегия устойчивого развития лесосырьевых районов Республики Карелия» (№К0985), 1998 – 2000 гг. – науч. рук. *Т.В. Морозова*; проект РФФИ «Проблемы формирования института собственности в условиях переходной экономики» (№06-06-80413а), 2006 – 2008 гг. – науч. рук. *Г.Б. Козырева*; проект РФФИ «Организация и проведение экспедиционного экономико-социологического обследования процессов формирования института собственности в условиях лесной реформы» (№08-06-10031к), 2008 г. – науч. рук. *Г.Б. Козырева*; проект РГНФ «Исследование региональной инновационной системы и разработка методов перехода от в основном сырьевой экономики к инновационной в условиях финансовых ограничений» (№06-02-04059а), 2006 – 2008 гг. – науч. рук. *М.В. Сухарев*; проект РГНФ «Карельская модель трансграничного сотрудничества» (№07-02-009а), 2007– 2009 гг. – науч. рук. *Т.В. Морозова*.